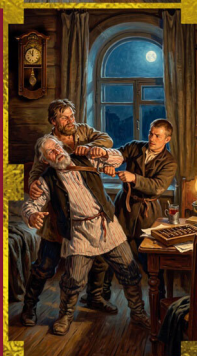

Виталий фон ЛАНГЕ
Иван СКЛАУНИ

ПРЕСТУПНЫЙ МИР

Воспоминания
провинциальных
детективов

**Иван Дмитриевич Склауни
Виталий Владимирович фон Ланге
Преступный мир:
Воспоминания
провинциальных детективов
Серия «Преступление / Наказание»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74638881

*Преступный мир. Воспоминания провинциальных детективов: Азбука,
Издательство АЗБУКА; СПб; 2026
ISBN 978-5-389-35639-9*

Аннотация

В Российской империи громкие преступления совершались не только в Петербурге и Москве. За пределами обеих столиц, в провинции, убийства, кражи, аферы и другие уголовные деяния также нарушали мирный обывательский уклад жизни и требовали вмешательства полиции. О том, как проводились расследования преступлений в конце XIX века, мы можем узнать из воспоминаний сотрудников полицейских сыскных отделений, и рассказанные ими истории зачастую поражают воображение читателей и представляют собой интереснейший материал для авторов исторических детективов. В первой части этой книги публикуются воспоминания Виталия фон Ланге, который за свою

долгую службу прошел путь от околоточного надзирателя до заместителя начальника одесской сыскной полиции, а в 1902 году возглавил сыскное отделение в Харькове. Вторую часть составили записки Ивана Склауни, в конце 1890-х годов возглавлявшего сыск в Ростове-на-Дону.

Содержание

Виталий фон Ланге	8
1	8
2	15
3	24
4	30
5	35
6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Виталий фон Ланге,
Иван Склауни
Преступный мир:
Воспоминания
провинциальных
детективов**

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Виталий фон ЛАНГЕ
Иван СКЛАУНИ

ПРЕСТУПНЫЙ
МИР

Воспоминания
провинциальных
детективов

Санкт-Петербург

Виталий фон Ланге
Преступный мир
Мои воспоминания
об Одессе и Харькове

1

Сыскные агенты

Масса всевозможных преступлений совершается ежедневно у нас в России, в особенности в Одессе, куда съезжаются преступники чуть ли не со всего света. Из всех преступлений более всего изобилуют кражи, грабежи и мошенничества. Преступники многих пострадавших, добывавших трудовую копейку «потом и кровью», доводят до нищеты, отнимая и похищая все необходимое для жизни, и нередко даже некоторых из них делают, благодаря критическому и безвыходному положению их, самими преступниками. Долголетняя моя служебная деятельность, а также любовь и привязанность к делу сыска дали мне возможность всесторонне познакомиться с многими преступниками разных категорий и изучить как характер преступников, так равно совершаемые ими преступления, а также некоторые приемы, упо-

требляемые ими при совершении известного рода преступного деяния (почти каждая специальность преступления совершается при известных условиях или приемах); и прежде чем описать случаи тех массовых задержаний преступников и обнаружения мною похищенных и ограбленных вещей и вообще добытых преступлениями, я считаю долгом познакомить своих читателей с тою категорией преступников, которая оперирует у нас в России, в особенности в больших, ведущих обширную торговлю городах. Преступники эти или разъезжают по городам «на гастролы», или живут оседло в своем городе, совершая безнаказанно преступления.

Первые, то есть «гастролеры», опаснее последних, ибо, явившись неожиданно в какой-либо город, совершат известное преступление и тотчас уезжают обратно, увозя с собою все добытое преступлением. Местная полиция, не зная о посетивших их город неизвестных гастролерах, вводится в заблуждение: производя розыск, арестовывает по подозрению уже известных ей порочных лиц, предъявляет их потерпевшим и свидетелям и как неопознанных и не уличенных в совершенном преступлении освобождает из-под стражи, подвергая себя иногда ответственности за неправильное лишение свободы и превышение власти. Кроме того, полиция производит в квартирах известных своим прошлым лиц обыски, выимки и розыски, и, конечно, безрезультатно. Гастролер же, возвратившись в свой город, сбывает все привезенное уже заранее предупрежденным и ожидающим их

лицам, занимающимся покупкой и сбытом краденых вещей. Единственное счастье потерпевшего – когда полиция задержит гастролера с поличным где-либо на вокзале, пароходе или на улице, а иногда и в квартире покупателя краденного; когда полиция, производя розыск похищенных в своем городе вещей, случайно натолкнется на такие предметы, которые покажутся полицейскому чиновнику подозрительными, и отберет их в ожидании явки потерпевшего или сообщения из других городов.

К категориям преступников относятся: убийцы, разбойники, грабители, воры, мошенники, фальшивомонетчики, подделыватели фальшивых паспортов и печатей, тайные винокуры и разные другие.

Каждая специальность преступника называется известным воровским термином, а также инструменты, служащие для совершения взломов и вообще преступлений, носят отдельные воровские названия, которые я укажу при описании некоторых фактов задержания преступников.

Неуспех розысков преступников и всего того, что ими совершается, объясняются следующими причинами:

1) малочисленностью состава сыскного отделения, малоопытностью агентов этого отделения, [недостатком] средств, отпускаемых на розыски и на содержание сыскного отделения, скудное жалованье агентов;

2) недостаток таких полицейских чинов (в местностях, где не имеется сыскного отделения), которые относились бы к

делу сыска и к известному совершенному преступлению с особенным вниманием, энергией и уверенностью в раскрытии преступления, а главное, недостаток таких чинов полиции, которые знали бы в своем городе всех лиц порочного поведения: покупателей краденого, укрывателей и мест, где собираются подозрительные лица.

Весьма неудивительно, что полиция мало обращает внимания на совершенные преступления, относясь к этому отчасти индифферентно; я говорю о тех местностях, где отсутствует сыскное отделение, ибо она занята исключительно своим прямым делом: всевозможными взысканиями, канцелярщиной, нарядами, дневными и ночными дежурствами и вообще наружной частью по отношению благочиния и спокойствия в городе. Эта часть служебной обязанности не дает возможности чинам наружной полиции заниматься розысками, составляющими косвенную часть служебной деятельности. В тех городах, где функционирует сыскное отделение, агентов отвлекают от специальных обязанностей, заставляя их быть в помощи наружной полиции, тогда как последняя должна оказывать полное содействие сыскному отделению и помогать им в розыске, или ставят их в секретные наблюдения и охрану каких-либо учреждений. Вот почему розыски преступников преимущественно безрезультатны.

Успех розыска – всецело в зависимости от опытности сыскного агента, который должен отличаться следующими качествами: быть честным, находчивым и быстросообрази-

тельным – это главные черты агента; быть смелым, предусмотрительным; внимательно следить за каждым движением лиц, в особенности при производстве обыска или личного осмотра; детально вникать в мельчайшую подробность происшествия; прислушиваться к суждениям публики, быть обсудительным и строгим критиком; своих впечатлений не высказывать другим, а если высказать, то в сжатой форме; чужие соображения, если они сообразны с обстоятельством дела, принять к сведению. Зоркость, проницательность, а в некоторых случаях притворство ничего не знающего и мало понимающего человека дают возможность иногда раскрыть важные преступления. Необходимо по возможности скрывать свое служебное положение.

Агент не должен бояться смерти или угроз, а идти на риск с убеждением, что его другие боятся, и в полной уверенности в успехе. Стараться узнать в лицо всех лиц порочного поведения (фамилию и уличную кличку); не мешает узнать фамилию и жительство сожительниц, как настоящих, так и прежних; последние, будучи в разладе и зная грешки своих обожателей, смогут дать ценный материал в изобличении в преступлении. Агент с хорошей памятью много выигрывает в деле сыска. Нужно знать специальность каждого преступника: карманщик, вор квартирный, магазинный, шантажист или мошенник и т. п. Необходимо знать сборище подозрительных лиц – «притоны», их укрывателей – «малину», покупателей краденого – «блатырь-каина», а главное, секрет-

ные места покупателей – «хавира»; не лишнее знать взаимные отношения преступников, то есть кто с кем дружит и совместно квартирует. Не только интересно знать преступников-исполнителей, но необходимо знать и их помощников, например, недостаточно знать одного карманщика-исполнителя («марвихер» [или] «ширманщик»), а нужно знать его помощника «тирщика», то есть того, который перед совершением кражи сдавит или толкнет намеченную жертву или собою заслонит исполнителя, приняв иногда от него похищенное. В железнодорожных кражах исполнитель едет в I классе, а его помощник во II классе, и вообще исполнитель едет в вагоне классом старше, чем едет его помощник. О железнодорожных ворах я буду говорить дальше, дабы познакомить читателей, в особенности таких, которые часто разъезжают поездами, пароходами по делам службы или с коммерческой целью, либо в каких-нибудь других случаях, с теми случаями и приемами воров, какие они употребляют со своими жертвами по пути следования пассажира, и этим поставить читателей в известность быть предупредительными и предусмотрительными.

Заканчивая главу об агентах сыскного отделения, должен сказать, что наибольшую пользу в деле розыска могут оказать те же самые преступники, которые окажутся на стороне агентов и которые, вращаясь в кругу своих товарищей, узнают от них о совершенных ими преступлениях и сбыте похищенного, сообщают сведения агентам сыскного отделения,

а эти последние, следуя указаниям шпионов, часто успешно разыскивают преступников и все добытое ими. Таких агентов нужно тщательно скрывать: при встрече на улице показать, что они совершенно не знакомы агенту, и, в случае нахождения его в компании преступников, нужно арестовать и его совместно с другими. В участке, в камерах для арестованных такой вор-шпион также может оказать услугу, ибо преступники, не стесняясь своих товарищей, открыто рассказывают о совершенном ими преступлении, говоря, как проникли в помещение; при этом товарищи критикуют действия их, высказывая свои впечатления, указывая на неправильность исполнения преступления. Бывали такие случаи, что арестованные при участке ранее узнавали о совершенном преступлении, чем полиция.

Убийство старика-птичника

Я не стану говорить об убийствах, совершенных на почве ревности, в запальчивости, в раздражении или вследствие полученного оскорбления или мести, а опишу несколько случаев убийств, совершенных разбойниками или профессиональными ворами-грабителями с целью ограбления и похищения имущества и денег. Опишу некоторые случаи убийств в г. Одессе, где я, прослужив в полиции около пятнадцати лет, лично задерживал убийц и обнаруживал преступления.

На Хуторской улице проживал в небольшом одноэтажном домике старик-птичник Сеницын, слывший за денежно-го человека и скрягу. Жил он особняком, одиноко, занимая квартиру из одной комнаты с кухней. Целые дни он проводил на базаре в птичьем ряду, где имел свою будку; являлся домой поздно вечером. В марте месяце днем в квартиру Сеницына проникли воры, совершив кражу вещей на незначительную сумму, приблизительно рублей на тридцать. Воры искали денег, ибо посрывали с икон ризы, не представляющие собою ценности как металлические, но денег не нашли. Старик всегда деньги носил при себе.

В ту же самую ночь было совершено убийство Сеницына, причем покойный был задушен ремневой петлею, а в вис-

ке его зияла глубокая рана, нанесенная, очевидно, молотком, тут же валявшимся. Сообщили мне об убийстве старика около девяти часов утра. Отправившись к месту происшествия, я застал там уже все власти с прокурором суда во главе. Осмотрев труп и все помещение покойного и сняв с шеи Синицына ремень, взял таковой себе с целью выяснить принадлежность его; присутствующая здесь внучка убитого сообщила мне сведения об ограбленных у ее деда вещах. Во дворе здесь же я в числе публики заметил известного рецидивиста Ткаченко, прозываемого по-уличному Петькою Голдышом. Местный пристав, подойдя к нему, что-то беседовал с ним и в конце разговора вручил ему трехрублевую кредитку. Всмотревшись пристально издали в Голдыша, у меня явилась мысль – не он ли участник этого преступления и не явился ли он сюда, дабы смыть с себя всякое подозрение. Инстинкт меня весьма редко обманывал, и я, следя за выражением глаз Голдыша, почему-то был убежден, что Голдыш есть убийца Синицына. Подойдя к приставу, я высказал свое впечатление о Голдыше, но пристав, посчитав это за шутку, просил не задерживать Голдыша, говоря, что он обещал разузнать действительных виновников этого преступления.

Я все-таки подозвал к себе Голдыша и, отойдя с ним в сторону, в шутиливой форме спросил его:

– Скажи, Петька! Чья эта работа, чего ты сюда пришел? Не ты ли покончил со стариком?

Устремившись глазами в Голдыша, я старался уследить

всякое движение нерва на его лице, на котором прочел многое, – я был глубоко убежден, что это дело его рук. Голдыш слегка улыбнулся, улыбка была неестественная, напряженная.

– Разве вы, ваше благородие, не знаете мою специальность: замок взломать, шапку с головы содрать, пьяного обшарить – это мое дело. В своей жизни [даже] курицы не зарезал, а то бедного старика, да притом знакомого, лишить жизни... Нет, ошибаетесь! Я приставу обещал поразнюхать и, наверное, разыщу убийц.

На этом мой разговор с Голдышом и окончился. Пристав жестом указал мне отпустить его. Приехав домой, я стал обдумывать это происшествие, и у меня так и запечатлелись черты лица, игра глаз, судорожность губ и лица и вообще настроение духа Голдыша, что я положительно пришел к неизменному убеждению: убийца Синицына есть не кто иной, как Голдыш, и крайне сожалел, почему я с места в карьер не арестовал его.

Мысли мои были рассеяны телефонным звонком. Вызвал меня полицмейстер Б., прося во что бы ни стало открыть это возмутительное преступление, говоря, что он даже дал слово прокурору, что преступление будет открыто мной. Я долго был в нерешительности, боясь дать слово полицмейстеру, но, вспомнив свои впечатления о Голдыше, сказал:

– Хорошо! Прошу только в продолжение трех суток не беспокоить меня и забыть обо мне.

Рассуждая о том, кто мог бы купить ограбленные вещи, и зная, что на Южной улице проживает одна «блатырь-каин» Двойра Бройд, которая, покупая от воров похищенное, не расспрашивает похитителей, при каких обстоятельствах совершена кража, решил установить за квартирой Бройд негласное наблюдение, для чего в тот же вечер, переодевшись женщиной (надел на себя длинную юбку, кофту и большой головной платок, коим закрыл себе усы) и взяв с собою переодетого вновь поступившего городского, еще неизвестного публике за полицианта, отправился следить за квартирой Бройд. Ночь была темная, и освещалась улица фонарями. Заняв место против дома, где жила Бройд, я усмотрел в нескольких шагах от меня двух знакомых воров, вышедших на улицу из ресторана, помещавшегося рядом с тем домом, возле которого я сидел. Один из этих воров, обращаясь к своему товарищу, сказал:

– А правда, Гришка, молодец я, что не послушал Петьку Голдыша и не пошел с ним вчера на работу?

– Чем же молодец, да почему ты отказался? Я у Петьки сегодня видел массу денег, должно быть более двухсот рублей, и когда я спросил, откуда он достал их, то Петька не пожелал ответить, а дал мне пятерку.

– Разве ты не знаешь, как достались Петьке деньги? Вся полиция на ногах, а ты залил себе глаза вином. Смотри, кабы и тебя сегодня не схватили на ночлег в участок.

– В чем дело? Говори, я ничего не знаю. Получив сегодня

утром от Петьки пять рублей, я пошел пьянствовать и целый день пью, пока не встретился с тобою, – возразил Гришка.

– Ведь Петька Голдыш ухлопал вчера старика-птичника на Хуторской улице.

– Теперь я понял, откуда у Петьки оказалось так много денег, что не пожалел и меня наделить кредиткой. Кто же был с Петькой на работе?

– Кто! Помнишь, мы сегодня на привозе у Гершки встретили Кузьку Добрянского, одетого во все новое, он любит трубку сосать? Так это один; затем были с ними Ванька Нос и Ванька Халомидник-рябой¹.

– Откуда же ты знаешь, что с Петькой участвовали эти лица? Ванька Нос и Халомидник не способны на убийство, их дело – свиты и тулупы таскать с возов на толчке, – сказал Гришка.

– Когда Петька приглашал меня идти с ним «на дело», то он говорил мне, кто уже согласился участвовать с ним. Но были ли они или нет, я не знаю. Кузька, должно быть, был, а то приоделся да деньжатами обзавелся.

Обоих воришек я тотчас арестовал и в участке оформил весь разговор на Южной улице протоколом.

На следующий день вечером, переодевшись чернорабочим, отправился я на привоз в ресторан Гершки, где в числе многих посетителей заметил человека, держащего в зубах

¹ Халомидник (халамидник) – вор, крадущий что придется и где придется. – Ред.

трубку и одетого в новую одежду. Я задержал его в полной уверенности, что это Добрянский, хотя никогда я лично его не встречал и совершенно не знал. При обыске у задержанного оказалось около 39 рублей.

– Ну, Кузька, расскажи-ка мне, как это ты с Голдышом и другими убили старика-птичника? – спросил я Добрянского.

– Откуда вы знаете, что меня зовут Кузькой, и даже называете мою фамилию? Ведь вы видите меня в первый раз, я никогда вами не задерживался.

– Знаю тебя, Добрянский, со слов Петьки Голдыша, сознавшегося в убийстве и указавшего на тебя как на участника этого преступления, заявляя, что ты даже задушил старика собственным своим ремнем, вот этим самым, который у меня в руках.

– Врет Голдыш! Ремень не мой, а его. Петька пригласил меня и товарищей на кражу, но не на убийство. Когда мы вошли в квартиру старика, то Петька, не говоря нам ни слова, молотком ударил старика по голове и вслед за этим, сняв с себя ремень, затянул им шею старика, – показал Добрянский.

– Кто же участвовал в этом убийстве и как были распределены роли при совершении этого преступления?

– Повторяю вам, что мы шли на кражу, а не на убийство. Когда Голдыш убил старика, то Ванька Халомидник играл в это время на гармонике, я стоял на цинке (на стороже) и не входил в квартиру. Ванька Нос держал старику руки, а Петька душил ремнем. Петька говорил, что старик любил по

вечерам играть на гармонике, и играли, чтобы не слышно было бы стоны, ибо по соседству была жилая квартира.

Закончив допрос Добрянского, я по телефону сообщил участковому приставу о задержании убийцы, повинившегося в преступлении, причем просил задержать Голдыша, зная в то же время, что тот скрылся в день обнаружения убийства. В тот же день мной было установлено негласное наблюдение за квартирою Голдыша, где проживала его сожительница Екатерина Макарова. Агент, следовавший за Макаровой, доложил мне, что она ходила на почту и спрашивала на свое имя письмо до востребования, которого в то время еще не было. Перехватив письмо Макаровой, я узнал, что Голдыш проживает в городе Аккерман у своего дядьки. По телеграфу было сообщено местной полиции о задержании его. На другой день после задержания Добрянского мне удалось арестовать и Ваньку Носа (Шевченко), разгулявшего[ся] в одном из трактиров. Шевченко сознался в убийстве Синицына, заявив, что у покойного оказалось за пазухой 300 рублей и они поделились по 75 рублей на человека, хотя, как он узнал от товарищей, Голдыш их надул, ибо у него видели более 200 рублей денег.

Немало труда составляло задержать Ваньку-рябого Халомидника, которого я не знал в лицо и который никогда не попадался ко мне. Разыскав одного воришку, знавшего Халомидника, я сумел сманить его на свою сторону всевозможными обещаниями, предварительно купив ему костюм за 6

рублей 50 копеек и подарив свои старые сапоги. Воришка этот сообщил мне, что Халомидник ночевал в ночлежном приюте в карантине и спал в том месте, где ложатся рабочие-угольщики, почему я просил указать его. Получив согласие и переодевшись в костюм грязного чернорабочего, загримировавшись, я намазал черным зубным порошком себе лицо, шею и руки, дабы быть похожим на рабочего-угольщика, и, взяв с собою револьвер, отправился в карантин на ночлег. Это было приблизительно около одиннадцати часов вечера.

Придя в приют в сопровождении указчика-вора, мы улеглись на грязные матрацы в том самом месте, где прошлую ночь провел Халомидник. Настроение духа было убийственное, насекомые в громадном количестве не замедлили нанести мне визит и посетить мою голову и тело. Недоверие к соседу возрастало. А вдруг приятель мой изменил мне и предупредил своих товарищей в приюте, сообщив, кто я? Конец будет, уложат на месте, и концы в воду.

Нервы страшно расшатались, мурашки по телу пробегали в помощь грызущим меня насекомым. Я невольно положил руку в карман, взяв револьвер за рукоятку, и прислушивался к каждому шороху. Часы пробили два часа, слышу стук сапог и чей-то разговор. Сосед мой, приподняв голову, приглядывается к идущему к нам человеку и, незаметно толкая меня, говорит:

— Он.

Дав возможность Халомиднику улечься на матрац и услышав храп его, последовавший через несколько минут, я осторожно встал со своего места и вышел с указчиком на улицу. Подозвав постового городского и войдя обратно в приют, арестовал Халомидника, доставив его в участок.

– Счастье ваше, что вы захватили меня сегодня, а то завтра я собирался оставить Одессу навсегда. Задержал меня фальшивый паспорт, который должен быть готов только завтра. Знаю, что вы арестовали меня за убийство. Когда был задержан Кузька, то я знал, что он выдаст своих сообщников, сознаюсь и я в убийстве Синицына, но только скажите мне, кто вам сообщил, что я ночую в этом приюте и за сколько вы купили мою голову; пусть мои товарищи отблагодарят шпиону.

Конечно, я Халомиднику не дал никакого ответа, зная, что моего указчика убили бы товарищи, а между тем он пригодится мне и в других случаях. После задержания Халомидника пришлось три дня подряд побывать в бане, дабы избавиться от той грязи и насекомых, которые не оставили меня в приюте.

3

Убийство двух старух

Не лишенным интереса был другой случай поимки мною шайки разбойников, совершивших убийство двух старух, Криворотовой и Кругловой, с целью грабежа.

Старухи эти проживали в собственном доме на Балковской улице, живя в отдельном флигеле. Обе они были до чрезвычайности скупы, отказывали себе даже в прислуге, нанимая изредка человека-соседа для услуг по дому и квартире. Желая сделать небольшую пристройку, Криворотова заложила свой дом в Городском кредитном обществе за 3500 рублей, каковые деньги должна была получить в день ее убийства. Деньги в банке не получила за поздней ее явкой. О том, что Криворотова должна получить деньги, узнали откуда-то соседи, которые в ту же ночь убили обеих старух. Узнав об убийстве их, я отправился на место происшествия, где уже застал участкового судебного следователя. Придя во двор, я обратил внимание на задуменную цепную собаку, служившую единственным охранителем старух. Трупы обеих старух с разбитыми до мозгов головами лежали на разных кроватях. На полу валялись разные бумажки, рецепты, квитанции, и между прочим я заметил ассигновку на получение 3500 рублей из кредитного общества. Вещи, как не представляющие ценности, почти не похищены; взяты толь-

ко самовар и две медные кастрюли. Обе жертвы убиты топором, оставленным на месте преступления. В чулке Криворотовой я обнаружил 40 рублей кредитками, очевидно не замеченные преступниками. Данных к изобличению кого-либо в преступлении не было, к покойным никто в квартиру не заходил.

Рассуждая об этом преступлении, я пришел к заключению, что убийство совершено: во-первых, такими лицами, которые знали расположение комнат и бывали в квартире убитых; во-вторых, что, несомненно, убийцы – близкие соседи, именно такие, которых знала цепная собака и на которых она не могла лаять. Задушена же она потому, что в числе убийц были и чужие люди, незнакомые во дворе Криворотовой; и наконец, в-третьих, что убийство совершено знакомыми покойным людьми, ибо убивать их не было никакого основания, так как они были беззащитны, а убили их потому, что Криворотова знала их в лицо, а этим могла бы выдать преступников.

Не теряя времени, я зашел в ближайшую к случаю бакалейную лавку, содержимую еврейкой, и стал расспрашивать ее, не знает ли она в этом районе какого-нибудь притона-«трущобы» и нет ли вблизи ее квартир с подозрительными лицами. Я заметил, что еврейка стеснялась высказать что-либо и на лице ее видна была какая-то боязнь или даже страх, почему я предложил ей зайти в квартиру, куда последовал и я. Здесь она дала весьма ценные сведения, которыми

я не замедлил воспользоваться.

— По соседству с Криворотовой есть домик-хатка, принадлежащий Погуляевой, муж которой сослан в Сибирь за разбой. Сын ее Ванька — отчаяннейший вор и грабитель. Сзади Погуляевой живет товарищ Ваньки, прозываемый Колька Косой, также грабитель, — заявила мне еврейка.

В тот же самый вечер с пятью переодетыми городовыми я отправился к Погуляевой. Собака ее сильно лаяла на нас и не допускала к дверям. Один из городских тут же ее заколол. Дверь квартиры открыла дочь Погуляевой Сашка, девушка лет двадцати. В комнатах, несмотря на то что было только около десяти часов вечера, было совершенно темно. Я осветил своим электрическим фонарем, с которым всегда бывал на розысках и обысках. Ванька спал на полу как убитый. Надо полагать, что пришел домой сильно пьяным. Будили мы его с четверть часа. Это молодой парень около девятнадцати лет, побывавший уже три раза в тюрьме за кражи. Производя обыск, на чердаке я обнаружил небольшой старый самовар и две медные кастрюли. Вспомнив похищенное у Криворотовой, я был убежден, что эти вещи принадлежали убитым старухам и, значит, нить найдена.

Ваньку и Сашку Погуляевых я арестовал, и они мне заявили, что найденные вещи как старый хлам, принадлежащий им, были заброшены на чердак, где пролежали несколько лет. Ванька Погуляев только сообщил мне, что изредка, по предложению Криворотовой, приходил к покойной, кото-

рой обслуживал как в квартире, так равно во дворе, приводя таковой в порядок, частенько даже кормил ее цепную собаку.

Беседуя с Сашкой Погуляевой, я пришел к заключению, что она может все выдать, но боится своего брата. Так как было еще не поздно, приблизительно около одиннадцати часов вечера, и, зная, что Погуляева любит выпить, я распорядился приказать принести ужин из ближайшего к участку ресторана и купить полбутылки водки. Во время ужина и после выпитой ею третьей рюмки водки Погуляева вдруг прослезилась.

– Что с вами? Чего вы плачете? – обратился я к ней.

– Как не плакать, единственный мой брат Ванюшка и тот погиб. Отца потеряла, когда мне было еще только десять лет, мать глухая, а тут и брат попался, и, кажется, безвозвратно, – рыдая, говорила Погуляева.

Я ее успокаивал, обещая всеми силами выгородить его из этого несчастья, говоря, что он несовершеннолетний и наказание для него не так будет строго, как для других, которым более двадцати одного года, в то же время просил ее рассказать мне, кем принесены самовар и кастрюли и кто совершил убийство.

– Вчера Колька Косой принес самовар и кастрюли. Он просил их сохранить до вечера, я не соглашалась на это и даже выбранилась, но Ванька уговорил меня согласиться.

– Вы знали, что собираются убить старух Криворотову и Круглову и кем совершено это преступление? – спросил я

Погуляеву.

– Нет, я не знала; слышала только, что Ванька говорил Косому, Чернозубу и Мишке Городилину, что старуха получает из банка крупные деньги, и сегодня лишь узнала об убийстве ее. Ванька говорил, что собаку задушил Косой. Я хотела сама идти к вам и заявить об убийстве [старух] моим братом, но мне пригрозили также убийством, – ответила Погуляева.

– Какой это Чернозуб и Мишка Городилин?

– Чернозуб – это уличное прозвище, его фамилия Алексеев, сожительница его Ольга Акимова содержится в тюрьме, где по средам Алексеев ее навещает. Городилина я видела у себя один раз, он работает в карантине «на сноске», там его все рабочие знают.

Просидел я в участке с Погуляевой до двух часов ночи, и, окончив допрос, я ее немедленно освободил, сам же отправился к Кольке Косому, которого и арестовал. Косой оказался мне знакомым вором, фамилия его Марченко, был уже лишенный всех прав состояний, судился за грабеж. Марченко сознался в участии убийства и заявил, что задушил собаку он, так как она лаяла на них, ибо с ними были Чернозуб и Городилин, которых собака не знала. Убийство совершено только Погуляевым, которого знали покойные, убил он их топором, найденным в кухне. Погуляев пригласил их лишь на кражу денег, которые, по его словам, должна была получить Криворотова из банка на постройку дома. Узнал [про деньги] Погуляев из разговора старух в то время, когда в кух-

не он колол щепки для самовара.

Дождавшись среды, я поехал в женскую тюрьму, где ожидал прибытия Чернозуба. Около двенадцати часов дня в тюрьму явился высокого роста мужчина крепкого телосложения, он просил вызвать Акимову. Я тотчас задержал его. На мой вопрос, как его фамилия и где его паспорт, он с дерзостью ответил:

— Какое ваше дело, кто я и как моя фамилия? А вы кто такой?

Получив такой ответ и видя нахальство со стороны задержанного, я, надев ему на руки кандалы, с двумя конвойными доставил в участок. Назвать своей настоящей фамилии Чернозуб не пожелал, сказав, что его зовут Алексеевым, не помнящий своего родства, но все-таки сознался в убийстве старух. Спустя несколько дней в карантине я разыскал и последнего обвиняемого, Городилина. Все подсудимые, повинившиеся в преступлении, приговорены окружным судом к 18 годам каторжных работ, за исключением Погуляева, посланного на поселение в Сибирь по несовершеннолетию.

4

Отцеубийца

Убийства совершаются преступным элементом не только с целью ограбления имущества и денег, но совершаются с целью мести – в данном случае преступники убивают своих товарищей за то, что они перешли на сторону полиции, по их выражению, продают товарища за деньги, то есть выдают совершенные ими преступления. Преступники за выдачу известного преступления приводят свой смертный приговор не только над товарищами, но даже над самыми близкими родственниками. Нижеследующий мой рассказ покажет, что сын способен убить своих родителей за то, что отец, имея сына, ведущего порочный образ жизни, выдал полиции преступника-сына, совершившего крупную кражу, благодаря чему сын присужден к арестантским ротам.

В Дюковском саду в полуразваленной землянке проживала престарелая чета, супруги Эрнест, занимавшиеся нищенством. У них был единственный сын Иоган, который с четырнадцатилетнего возраста, вращаясь в кругу испорченных товарищей, стал заниматься кражами и до двадцати лет своей жизни успел побывать в тюрьме семь раз. Несчастные старики-родители не знали, что предпринять против своего сынка. Бывали не раз случаи, что Иоган обворовывал своих родителей, оставляя их в том, в чем они вышли из кварти-

ры; приходя пьяным, позволял оскорблять стариков и даже наносил им побои. Чаша терпения переполнилась, и они решили выдать сына, совершившего кражу лошадей и экипажа. Благодаря указанию старика было найдено похищенное, и Иоган Эрнест, сознавшись в этом преступлении, был приговорен в арестантские роты на два с половиной года с лишением некоторых прав. Отбыл он наказание на двадцать пятом году. Содержась под стражею и зная, что причиной его задержания был его родной отец, Иоган поклялся перед товарищами отомстить отцу. Товарищи поощряли его, восхваляя планы Иогана и давая даже некоторые указания и советы. Тюрьма и вообще места заключения представляют собою школу: там имеются свои прокуроры, присяжные поверенные, учителя, наставники, а иногда и доктора. Здесь они обсуждают всевозможные вопросы, критикуют действия своих товарищей, указывая на те недостатки, которые обнаруживались при совершении известного рода преступления; говорят о тех товарищах, которые сообщают полиции сведения о них, и тут же приговаривают их к смерти; трактуют о сыскной полиции, о действиях агентов, высказывая их хорошие и дурные качества.

Выйдя из Херсонских арестантских рот с клеймом лишенного прав, Иоган сделался отчаяннейшим преступником. Мысль отблагодарить отца за проведенное в заключении время не оставляла его. Приехав в Одессу пароходом, он счел нужным посетить один из кабачков карантина. Здесь

он встретился с двумя товарищами, с которыми не виделся около трех лет и с которыми проводил время в тюрьме. После долгой разлуки изрядно выпил и даже опьянел. Вышел из кабака поздно вечером, и, когда дотащился до землянки своих родителей, было уже около двух часов ночи. Старик совершенно забыли, что у них когда-либо был сын, и за последние три года положительно ожили. Вдруг поздно ночью кто-то сильно постучался сперва в дверь, а затем в окно. Старик долго не открывал дверь, ибо был немного глух. Подойдя к окну, старик спросил, кто стучится, и, когда услышал голос своего сына Иогана, через окно заявил, что он не признает его за сына, и просил немедленно удалиться. Расвирепевший Иоган, высадив окно с рамою, вскочил в землянку и крикнул:

– Так вы принимаете своего сына Иогана? Недостаточно того, что вы продали мою голову полиции, заставили меня три года промучиться в арестантских ротах, а теперь и не признаете сына. Так знайте, что сын ваш жив и явился поблагодарить родителей, – и, схватив нож, лежавший на столе, вонзил в сердце своего отца.

Покончив с отцом, он решил убить и мать свою, как единственную свидетельницу происшествия. Убитого отца положил на кровать, где лежал труп матери.

Убийство было загадочное – корыстной цели не было. Чета Эрнест как занимавшаяся нищенством никакого имущества не имела. О том, что Иоган отбыл наказание, никто не

знал.

Производя розыск убийц, я по возможности старался выяснить цель убийства, и когда, встретив одного вора, узнал от него, что Иоган Эрнест прибыл в Одессу, то у меня мелькнула мысль, не дело ли [это] рук Иогана.

Дня через три после убийства стариков я узнал, что Иоган, явившись на толкучий рынок, просил своих товарищей собрать несколько рублей для выезда его из Одессы.

Иогану уже кто-то сообщил, что я его ищу, и он знал, что я его лично знаю в лицо. Наскоро набросив на себя свиту, опоясавшись шерстяным кушаком и надев барашковую шапку, я поехал на толчок. Здесь я узнал, что Эрнест пошел в трактир, откуда через черный ход вышел во двор, направляясь к воротам. Я поспешил ему навстречу, и когда я вошел во двор, то Эрнест, не обратив внимания на меня, прошел мимо. Повернувшись обратно, я схватил Эрнеста сзади и, сбив его с ног, задержал. Торговцы, узнав меня, сообщили постовому городовому, при содействии которого я доставил Эрнеста в участок. Иоган на первый же мой вопрос об убийстве родителей дал утвердительный ответ, рассказав все подробности, сопровождавшие убийство. Бессрочная каторга сильно отразилась на лице Эрнеста.

Были еще несколько убийств преступников: убиты были лишенный прав Самсонюк и Кисель, прозываемый Англичанином. Первый был убит за то, что, будучи сам отчаяннейшим вором и грабителем, выдал полиции нескольких то-

варищей, благодаря чему было раскрыто два преступления: убийство и грабеж, где, как передавали мне, участвовал и сам Самсонюк. Другой вор, бывший два раза в арестантских ротах и бессчетно раз судившийся за кражи, убит за то, что при дележе похищенного ловко обманывал и обсчитывал своих товарищей, получая львиную долю. Обоим преступникам распороли животы, и виновники не обнаружены.

5

Железнодорожные воры (мойщики)

Этот элемент преступников – самый из опаснейших во всем преступном мире. Пассажир, уезжая за границу, переезжая из одного города в другой по ярмаркам и вообще с коммерческими предприятиями, дабы не платить деньги за денежные переводы и не терять времени на получение их, ибо получение денег по переводам сопряжено с известной формальностью, везет с собою крупную сумму денег, спрятав их либо в задний карман брюк, либо во внутренний карман жилета, или, надеясь на чуткость сна, оставляет бумажник в боковом кармане, зашивая таковой сверху. Всю дорогу пассажир беспрестанно ощупывает локтем своей руки, чувствуя нахождение бумажника.

В вагоне I класса появляется пассажир с небольшим ручным сакom и редко чемоданом и, заняв место в купе, дает носильщику, принесшему сак, рубль. Одет он по последней моде, при золотых часах, а иногда и золотом портсигаре, в перчатках, на груди бриллиантовые запонки и в галстукe чудный солитер. Словом, пассажир этот представляет собою какого-нибудь богача-аристократа, а в действительности это отчаяннейший железнодорожный вор, побывавший

не один раз в тюрьме за кражу. Есть такие воры-«мойщики», которые говорят по-французски, по-немецки и даже по-английски и с некоторым образованием, как, например, Жорж Шварц, окончивший шесть классов гимназии и владеющий новыми языками. По виду никто не скажет, что он вор: весьма обходителен, услужлив, внимателен и до чрезвычайности вежлив — джентльмен в полном смысле этого слова.

Заняв место в купе, вор знакомится с остальными пассажирами. Затеивая с ними разговор, выдает себя за помещика (знаком с сельским хозяйством), купца или иностранца, приехавшего недавно из-за границы (говорит тогда ломаным русским языком и старается заговорить по-французски), сообразуясь, конечно, с тем пассажиром, при котором, по его мнению, имеются деньги. Помощник его помещается во II классе и не имеет при себе багажа; встречаются они в уборной I класса во время движения поезда. Вор-исполнитель едет в вагоне старше классом, чем его помощник.

Исполнитель старается узнать профессию и вообще занятие пассажира и, убедившись, что он при деньгах, решает его обокрасть. Намеченной жертве предлагает выкурить дорогую сигару, говоря, что в Париже по случаю приобрел ящик сигар и что каждая сигара в России стоит не менее одного-двух рублей. Если пассажир заявит, что не курит сигар, то он угощает папиросой. Как сигара, так и папироса пропитаны одуряющим или снотворным веществом. Если пассажир откажется от угощения или окажется некурящим, то вор

имеет другое средство усыпить пассажира – бутылочка хлороформа или что-либо снотворное. Пожелав покойной ночи, пассажир, припрятав бумажник с крупными деньгами и оставив в кармане кошелек с расходными деньгами, засыпает.

Заметив, что все пассажиры спят, вор угощает намеченную жертву хлороформом, тщательно обыскивает его и, похитив бумажник, выходит осторожно из купе в уборную, где его ждет его помощник; пересчитав деньги, вручает их своему помощнику. Последний, приняв бумажник, на первой же остановочной станции слезает и встречным поездом возвращается обратно в свой город. Вор, придя в свое купе, ложится и засыпает. Он сердечный человек – кошелек с расходными деньгами, хотя бы там было и несколько сот рублей, оставляет своей жертве. Просыпается пассажир, будучи одурманен, не скоро, а одним из последних, жалуясь на головную боль. Проснувшись, обнаруживает у себя кражу бумажника с несколькими тысячами рублей. Подозревать кого-либо в краже он не имеет никакого основания, ибо все пассажиры в наличии. На ближайшей станции делает жандарму заявление о краже.

Бывают и такие случаи: вор, наметив жертву с деньгами, перед сном заявляет ему, что он крепко спит и что при нем имеются крупные деньги, и ввиду того, что они следуют совместно до утра следующего дня, просит пассажира сохранить его бумажник с деньгами; предварительно разузнает его

профессию и место, куда едет пассажир. Получив согласие и пересчитав деньги, коих бывает 3—4 тысячи, вручает их пассажиру. Ночью, угостив хранителя хлороформом, похищает свой и его бумажники и передает таковые помощнику. Когда жертва делает заявление жандарму о краже, то вор, подозревая заявителя в передаче его бумажника другому лицу, обвиняет его в вымысле заявления, требуя составления протокола и указания точного адреса заявителя, угрожая возбудить против него в уголовном и гражданском порядках дело. Этот прием вора вводит в заблуждение полицию и почти никогда не уловим.

В местностях, где знают вора, кража им не совершается. Доехав до станции, куда взят билет, или если жертва слезла ранее этого места, вор возвращается к себе домой, где его ожидает помощник. Добычей делятся, смотря по уговору: исполнитель зачастую получает $\frac{2}{3}$ части, но иногда делятся поровну. Пересчитывают деньги в уборной для того, чтобы помощник, приехав домой, не обсчитал бы его исполнителя. Лучшие железнодорожные вору: Гросталь, Бабский, Гальперин, Торгов, Пшеница, Кац, Ящик и др.

В отличие от железнодорожных воров-«мойщиков», совершающих кражу денег и драгоценностей, имеется другая корпорация тех же воров, прозываемых «чемоданщиками». Это такие вору, которые, разъезжая на поездах, похищают чемоданы, корзины и другие вещи, в особенности в местах скрещения поездов. Они для совершения краж ника-

ких средств не имеют, а похищают чемоданы во время пути ночью, проходя из вагона в вагон; похищенный чемодан выбрасывают с поезда вблизи вокзала, замечая это место; при тихом ходе поезда соскакивают и, вынув содержимое в чемодане, отправляются на вокзал и, сев на встречный поезд, возвращаются обратно.

6

Карманщики

Так как железнодорожный вор по способу своей преступности весьма схож с ворами, совершающими кражу из карманов, то я считаю долгом познакомить читателей с теми приемами, которые употребляют «карманщики» при совершении краж. Прежде всего эту профессию разделю на специальности; карманщик по-воровски называется «марвихер», или «ширманщик». Они суть: 1) «карманщик-брючник», 2) «пиджачник», 3) «часовщик» и 4) «чистильщик». Самое название их дает понять, кто какую совершает кражу. Из всех карманных краж самая трудноисполнимая – кража из брюк и чистильщик. Есть еще одна специальность карманной кражи у дам – «дамщики» и «ридикюльщики». Первые из них, преимущественно подростки, похищают из кармана платья дам, который осторожно расстегивают, вытаскивая кошелек, в особенности легко удастся вытащить кошелек, когда карман сзади платья. Вторые незаметно открывают ридикюль, похищая оттуда кошелек; эти карманщики по большей части вырывают из рук дам ридикюль. Этот способ преступления наказывается как открытое похищение или грабеж.

Карманные кражи совершаются в местах скопления народа: на ярмарках, базарах, всевозможных народных гуляньях, во время крестного хода, в церквях и [во время] разных зре-

лиц.

Для совершения кражи из бокового кармана пиджака или из жилета карманщик, имея на левой руке пальто или черный шаль-платок, подходит ближе к намеченной жертве и, заслонив ей левою рукою грудь, из-под пальто или платка осторожно вытаскивает часы или, расстегнув пуговицу пиджака, похищает бумажник. Одновременно с этим кто-либо толкает жертву сзади, вследствие чего она оглядывается. Человек, толкнувший жертву, есть помощник похитителя и называется «тирщиком». Некоторые карманщики вместо пальто или шали имеют у себя в левой руке фуражку или твердую шляпу-котелок и машут ею, якобы ему жарко. Засим на время останавливается и, закрыв шляпой грудь намеченному, похищает из кармана деньги или часы. Карманщик ни палки, ни зонтика не носит.

«Карманщик» («маровихер»), как я раньше сказал, имеет своего помощника («тирщика»), хотя многие из них работают без оных. Обязанность тирщика – придавить жертву, толкнуть его или своей рукой закрыть грудь ему. В некоторых случаях карманщик передает похищенное тирщику, который тотчас исчезает, а сам продолжает находиться возле того, у которого совершил кражу.

Розыск похищенного из кармана, в особенности в местах скопления народа на общественных гуляньях, более удачный, конечно, при условии, когда полиция, а главное, сыскные агенты, позадерживают всех карманных воров и «тир-

щиков», явившихся на гулянье. Мне приходилось задерживать в толпе карманщиков, у которых при обыске находил по 5–6 пар разных часов и по несколько кошельков. Потерпевшие от краж всегда найдутся, и вор не останется безнаказанным. Вот полезно и даже необходимо знать в лицо карманщиков и их помощников.

Привычка к карманной краже не оставляет воров и тогда, когда они материально обеспечены. Есть такие карманные воры, которые имеют состояние в несколько тысяч рублей и все-таки продолжают свою преступную профессию, забывая то время, когда они проводили в тюрьме в заключении. К таким субъектам относятся между прочим: Иось Мильман, Шехтер, Янкель Хик, Пишоный, Бабский, Штейнберг, Волошинов, Зайчик, Кулик и др. Карманщики – большие любители картежной игры: на ярмарках собираются у какого-нибудь своего товарища или укрывателя их и проигрываются до последнего гроша, проигрыш бывает в несколько тысяч рублей. От них нередко можно получить интересные сведения, часто выдают тех товарищей, которые неправильно рассчитываются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.